

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Бурков проговорился лишь однажды

В издательстве «Вагриус» готовится к печати книга Игоря Кио «Иллюзии без иллюзий». Представляем нашим читателям одну из глав этих мемуаров

Игорь и Виктория Кио

Фото Виктории ГОРЮЧЕВОЙ и Игоря КИО. МСК/С.В.В.В.

Игорь Кио. Я ПРОТИВ ТИТУЛА «ЗЯТЬ БРЕЖНЕВА»

«Тебе этого не надо»

Я привык к тому, что жизнь моя (и частная — не исключение) у всех на виду. И редко сержусь на то, что пишут обо мне в газетах, — даже на совсем уж несурзное и нарочито оскорбительное. Но независимо от того, насколько талантливо журналисту Александру Терехову из газеты «Совершенно секретно» в те времена, когда непривычная для нас желтизна прессы казалась верхом вольнодумства, меня вдруг возмутило. Терехов озаглавил его «Я (то есть Игорь Кио) был зятем Брежнева». Я понимаю, что людей трудно убедить, что роман наш с Галей — история женщины и юноши, который скорее помешало родство с Брежневым и Кио. Для всех приятельская скандальность — в наших именах. Да и Фрейд — я знаю его совсем понаслышке, — возможно, в глубинах подсознания обнаружил бы связь между сексуальным влечением и известностью наших отцов...

Но я против титула «зять Брежнева». Тем более что с Леонидом Ильичом вообще не был знаком. Галю же я знал с детства. Вернее, она — поскольку старше меня — знала меня с детства. Она, можно сказать, была цирковым человеком — женой эквилибриста Евгения Милаева.

В шестьдесят первом году мы поехали на гастроль в Японию. Жена Милаева официально числилась костюмершей. Я же был совсем молодым человеком, на которого Галина производила огромное впечатление. Прошло почти сорок лет. Но я и сегодня считаю Галину Леонидовну одной из самых замечательных женщин, которых только знал в своей жизни. И своей первой настоящей любовью.

Кому-то, возможно, начавшиеся между нами отношения казались противоестественными. Но я и с годами считаю, что в молодости как раз и должны нравиться зрелые женщины. А им кто может запретить симпатизировать юношам? Впрочем, в нашем с Галей случае не было и тени рассудочности: можно или нельзя, удобно ли, что кто подумает? Выражаясь книжно, пробежала между нами искра — и мы оказались способными на сумасшествие...

Мы пытались скрывать наши отношения и считали, что нам это удастся. Но однажды меня позвал ее муж Милаев и сказал: «Игорюшка (он меня так называл), я хочу тебя предупредить, что Галина Леонидовна — не лучше, чем все остальные бабы. Я тебе советую, если ты ее увидишь на одной стороне улицы — переходи на другую. Она тебе «здрасьте» — ты не отвечай. Ты же умный парень, пойми, что тебе этого не надо...» Я его совету не последовал...

Три часа и девять дней

Летом шестьдесят второго года Галю навестила меня в Днепрпетровске, где я работал. «Отмазка» должна была быть вполне логичной. Родной город, полно подруг. Для большей конспирации взяла с собой жену брата — Люсю.

Своего родственника по фамилии Лукчи Брежнев назначил, по моему, председателем днепрпетровского совнархоза. Лукчи освободил нам свою квартиру — для встреч. И вот туда-то последовал неожиданный телефонный звонок... Галю кивнула мне, чтобы я взял вторую трубку. Говорил Леонид Ильич: он все знает, прекратить и так далее. Галина швырнула трубку на рычаг. И обошлось — отец ничего не предпринял. Ведь речь о женитбе не шла...

Однако, к ужасу моих родителей и шокируя всех прочих близких нам людей, осенью мы решили расписаться. Леонид Николаевич Фрадкис был направлен во Дворец бракосочетания в Москве, где он, как каждый бы на его месте администратор, уже почувствовал себя помощником Леонида Ильича. Фрадкис отнеснил какого-то депутата, сказав, что он здесь по поручению семьи Брежневых, и дал директору Дворца бракосочетания срочное указание — расписать нас с Галей через три часа. В ЗАГСе началась страшная переполох, а мы поехали переодеваться. Тем временем Леонид Николаевич уже распорядился изменить интерьер во Дворце, пообещал его работникам протекцию и судьи, все более чувствуя себя весьма значительным человеком.

ку на рычаг. И обошлось — отец ничего не предпринял. Ведь речь о женитбе не шла...

Фрадкису. В связи с компрометирующими данными, ему надлежало явиться тогда-то в прокуратуру к девяти утра.

Самое простое решение

На следующий день сочинский КГБ устроил откровенную «нарузку»: наблюдение со съемкой. И делалось это нарочито, чтобы заставить Галину уехать. А до того еще директор цирка разыскал нас на пляже и сказал, что в цирк на проходную Гале звонит ее отец: «Мне немедленно надо с ней переговорить...» Когда мы вернулись в цирк и она взяла трубку, выяснилось, что линию с Москвой три часа не отсоединили, и разговор начался сразу — Брежнев требовал, чтобы дочь уехала из Сочи немедленно. Она отказывалась подчиняться отцовскому требованию. Но история с паспортами, наружное наблюдение

Мне, несомненно, повезло с третьим браком. И везет в нем, замечу, уже около четверти века...

Думаю, что, назвав количество женитьб, я вызову у читателя, наслышанного о нравах в мире искусства, больше доверия к своему повествованию. А то что же это за артист, женившийся однажды и с первого же раза удачно?

Церемония бракосочетания началась с ялпсуа. Мне было восемнадцать лет, а Гале тридцать два, тем не менее директор, милая дама, этой тонкости не учла — и в момент, когда было объявлено, что мы стали мужем и женой, ничего лучше не придумала, как включить песню, по-моему, в исполнении Зыкиной «В жизни раз бывает восемнадцать лет...»

Затем сыграли стихийную свадьбу, естественно, без родителей и без гостей. Нет, самые смелые — несколько человек — пришли. В общем, все совершилось в узком кругу. В ресторане «Прага». Фрадкис немедленно освободил банкетный зал, выпроводив каких-то гуляющих людей. Он уже менял в ресторане штат, назначал новых метрдотелей, не переставая чувствовать себя большим начальником. Через три дня мы должны были ехать в Сочи, где начинались мои гастроль. Галина не решилась сообщить родителям о происшедшем. Она им просто оставила записку: «Мама, папа, простите... я полюбила... ему двадцать пять лет...» (на всякий случай семь лет она мне прибавила). И мы уехали. К чести Леонида Ильича Брежнева, он, когда узнал об этом, не дал никаких команд «срочно расторгнуть...» и так далее. Он соблюдал закон. И только когда Милаев приехал в ЗАГС и начал копаться, узнал, что Галине выдали свидетельство об их разводе не на десятый день, как полагается по закону (а десять дней на обжалование), а на восьмой (грубое нарушение, в общем-то), он доложил бывшему, как мы считали, тестю, что закон хоть в пустяке, а нарушен, Брежнев разрешил вмешаться. Десять дней мы были в законном браке, но на десятый в Сочи пришли две телеграммы на правительственном бланке. Одна — нам, о том, что в связи с поступившими данными о незаконном расторжении предыдущего брака наш брак аннулируется, а другая — за подписью генерального прокурора СССР Руден-

ние, приезд управляющего Союзгосциркем Бардиана — все вместе не могло не подействовать. Надо было уезжать. Я проводил ее в Адлер, она пошла к самолету, а вокруг меня оставалось восемь сотрудников КГБ. Я подумал, что чекисты повезут меня сейчас Бог знает куда. Но когда самолет поднялся в воздух, меня оставили в покое.

Через две недели я получил ценную бандероль: мой паспорт. На первой его странице стоял штамп «Паспорт подлежит обмену» — обратиться к товарищу Петрову, а страница, где стояла отметка о регистрации брака, была элементарно вырвана. Самое простое решение.

Бедного Фрадкиса еще после сочинских гастролей вызвал в Комитет полковник с выразительной фамилией Сыщиков, который его ругал и страдал. Фрадкис плакал. Не знаю, чем бы закончилась их семидневная беседа, если бы не вмешалась Галю и не умолила отца приказать, чтобы администратор оставили в покое — он-то в чем виноват? Сыщиков сказал на прощание Фрадкису: «Ты учти, мы знаем, когда Аде-науэр в сортир ходит, поэтому все твои действия мы будем знать еще лучше. Чтобы ты забыл, кто она такая, и ни во что не вмешивался...» На что трусливый Фрадкис начал свой монолог словами: «Я никогда не сомневался, что наши доблестные органы государственной безопасности...», но Сыщиков его перебил: «Пошел вон, жидовская морда».

Наш недолгий брак занимал и иностранные средства массовой информации — о нас с Галей говорили и Би-Би-Си, и «Голос Америки». И мы с отцом, на всякий случай, три года оставались невыездными в капиталистические страны.

Наши отношения закончились как бы сами собой. С такими вот преградами и препятствиями прошло четыре года. Я в постоянных гастрольях. Встречи в выходные дни

— и полеты ради них за несколько тысяч километров — разве это нормальная жизнь? Осенью шестьдесят четвертого Галю мне позвонила. Отставка Хрущева, Брежнев стал первым лицом в государстве. Она всегда обо мне заботилась — и дала понять, что нам нужно заканчивать наши отношения. Да и я был к этому уже готов.

Ёлка с иголками

Отец пригласил в свою программу молодую актрису Иоланту Ольховикову. Мы знакомы с детства, дружили — и не более того. Но родители считали нас самой подходящей парой. Иоланта — тоже из потомственной цирковой семьи...

Мы заключили брак с Иолантой на гастрольях в Архангельске. Она работала номер с попугаями — вполне престижный. Не всем известно, что попугай при покупке стоил в четыре раза дороже льва. Близкие к цирку люди знают секрет — в зарубежных поездках дрессированные звери «кормят» всех артистов, съезжающих ради экономии копейных суточных положенный животным рацион. И попугай не менее выгоден, чем хищники, — он ест все, — и, без преувеличения, «семья» гастролеров из пяти-шести человек прекрасно живет за границей за счет этой птицы.

В шестьдесят седьмом году родилась Витуся — я посмотрел на нее в родильном доме и уехал в Америку и Канаду. Через два с половиной месяца Иоланта (по-домашнему Ёлка) приехала к нам — и начала работать...

Мы прожили с Иолантой одиннадцать лет. У нас прекрасная взрослая дочь и замечательные внуки.

В том, что брак наш не длился дольше, виноват я. Но себя не виню. Я расстался с женой из-за женщины, которая стала значить для меня больше всех в этой жизни...

В разводе с Иолантой были для меня и моменты обиды, чего я вряд ли заслуживал. Я ушел, оставив Ёлке квартиру со всеми вещами, — и вдруг получил повестку в суд. Бывшая жена подавала на алименты. Я опешил. Меня в чем угодно обвинишь, но не в скупости. Неужели бы я пожалел денег своему ребенку? Но выяснилось, что широта моя как раз и смущала Иоланту: «Ты много тратишь, ты можешь загулять и забыть про Витусю, а так я буду класть деньги ей на сберкнижку». Позднее я узнал, что ни копейки до нашей дочери не дошло. Конечно, Ёлкой могла руководить женская уязвленность... Но как вы думаете, кто стал ее мужем? Мой брат Эмиль. О чем услышал я от совершенно чужих людей...

Прошло двадцать три года. Но Иоланта ведет себя так, как будто мы расстались в прошлом месяце. И ни о какой дружбе братьев семьями не может быть и речи.

Первая встреча

Женщина, из-за которой я все бросил, сломав свой жизненный уклад, работала в моем коллективе. И лет пять мне казалось, что я просто симпатизирую ей. Но чувство мое оказалось сильнее, чем мог я, уверовавший было в свою рассудочность, предполагать...

Вика работает у меня с 1971 года. Она из Батуми. Закончила музыкальную школу и потом училась в Калининне. Должна была по распределению ехать куда-то в деревню под Калугу — преподавать деревенским детям хорное пение. Ее эта перспектива не очень увлекла. Однажды в метро человек с «Мосфильма» предложил им с сестрой сниматься в кино. В какой-то масовке в каком-то фильме режиссера

Вдруг — и навсегда
В том, что произошло дальше, я грешен исключительно перед ее мужем. Мне кажется, что брак у них не очень удался и был не очень крепким. Поэтому когда мы поехали на гастроль в Швецию, а муж остался в России, к завершению гастрольей я начал слегка за ней ухаживать, встретив благожелательную реакцию в ответ, но не более того. Никаких серьезных отношений у нас не было. И тем не менее мы сговорились после Швеции встретиться. Я назначил ей свидание. Назначил, пожалуй, и не совсем всерьез, да и она, по-моему, согласилась от скуки. В общем, мы забыли об этом свидании... Но однажды я встретил ее на Пушкинской в Союзгосцирке и спросил: «Почему же мы не выполняем слово, данное друг другу? До сих пор не встретились?» На что она неожиданно сказала: «Я не против, но вы же забыли об этом».

В тот же вечер мы поехали в ресторан Дома художника, где мило поужинали, и случилось так, что на следующий день я, уже знавший ее несколько лет и относившийся к ней с легкой симпатией, почувствовал, что влюблен. Вот так вдруг. Я был уже далеко не мальчик, а более чем искушенный мужчина, был уверен, что где-то уже я и перегулял, и пресыщен, и уверен, что такого рода чувства теперь не для меня. Но потребовалось всего один вечер, чтобы я почувствовал что-то необычное, ни с чем былым не сравнимое. С того самого дня начался безумный, страстный роман...

С сокращениями.
Заголовки даны редакцией «ВК».

Галина Брежнева. Снимок 70-х годов.

«Вика оказалась тем человеком, который, сам о том не подозревая, заставил меня родиться».